В столовой стояла вкусная смесь запахов жареной рыбы и мисо-супа. В желудке громко забурлило.

Акинэ-тян накладывает в плошку гору риса. Художник, усадив давешнего ребенка на колени, пьет кофе. Напоминающего скелет старика и длинноволосой женщины нет. Утром в столовой тихо.

— Держи, Юси-кун, твоя порция.

— А, спасибо.

Приготовленный Рурико-сан завтрак тоже оказался потрясающе вкусным. Мисо-суп с тофу, казалось, миновал желудок и сразу разнесся по всему телу.

«Притом что Рурико-сан — не человек…»

Как и вчера, на кухне никого не видно. По идее, приготовленная привидением пища должна была вызывать отторжение, но она была такой вкусной, что не съесть ее было выше моих сил.

— Доброе утро. Как же вкусно пахнет!

В столовую зашли круглый коротышка Ямада-сан и мужчина в темно-синем костюме.

— Доброе утро, Ямада-сан, Сато-сан. Это Юси Инаба-кун, — представил меня Поэт.

— А, приятно познакомиться. Я Ямада. Мы виделись вчера.

— Я Сато. Добро пожаловать в общежитие «Котобуки».

Мы обменялись вежливыми поклонами. Если верить Поэту, сейчас в общежитии из людей только он сам, Художник и Акинэ-тян. Другими словами, Ямада-сан и Сато-сан хоть и казались обычными людьми, но на самом деле были привидениями.

«С утра пораньше здороваться с привидениями и завтракать в их компании… Ну и ситуация…»

Сюрреализм какой-то. Новоприбывшие — Ямада-сан параллельно читая газету, а Сато-сан нервно поглядывая на часы — приступили к завтраку. По радио зачитывали утренние новости. Совершенно обычный утренний пейзаж, ничем особо не отличающийся от того, что я наблюдал в доме дяди Хироси.

«Единственное отличие — что они не люди… И все?..»

Я сделал большой глоток чая.

Все это время за мной пристально наблюдал сидящий на коленях Художника ребенок. Если не ошибаюсь, Художник звал его «Буся». На вид ему было годика два. Приглядевшись, я невольно отметил пухлые румяные щечки, губки бантиком и большие глаза в окружении густых ресниц…

«Какой… симпатяга!»

Я сам не заметил, как протянул руку и коснулся головы этого нечеловеческого существа.

«Ой, я его чувствую».

По ощущениям это были самые обычные волосы. Коротко стриженные, тонкие, мягкие детские волосы. В принципе, раз Художник брал его на руки, не было ничего удивительного в том, что я смог к нему прикоснуться. Но для меня все было далеко не так просто. Этот ребенок, хоть и выглядел совсем как человек, человеком не являлся. Получалось, я касался нечеловеческого существа. Думая при этом, что оно очаровательно. Буся, не отводя от меня глаз, куснул большой леденец на палочке.

«А-а… Блин! Вот же милашка!»

В чувство меня привели Художник, Поэт и Акинэ-тян, которые смотрели на меня и широко улыбались. Кашлянув, я вернулся к своему чаю.

— Да, Рурико-сан, меня с этого дня неделю не будет. Уезжаю на Идзу руководить обучением новых сотрудников, — сообщил одетый в костюм Сато-сан.

— Что, косметическая компания «Суар» все еще процветает?

Услышав реплику Ямада-сана, я едва не подавился чаем.

«Он работает (да еще в крупной компании)?!»

И так, оказывается, бывает. Нечеловеческие существа живут среди людей. Являются частью общества. Просто люди об этом не знают.

Мне стало немного страшно. Точно так же как, будучи сторонним наблюдателем, я не увидел бы в этом утре ничего особенного, столь знакомый и понятный, как я привык считать, окружающий мир на самом деле представлял собой нечто совершенно иное.

«Кажется, это в таких случаях говорят «словно пелена с глаз спала»?»

Так или нет, но ощущения были схожими.

— Знаешь больницу Цукиноки за станцией Таканодай? — сидя на залитой светом от теплого весеннего солнца веранде, начала свой рассказ Акинэ-тян. — Это настоящая лицензированная больница, но кроме людей в ней еще лечится местная нежить. Вот я там и изучаю ее и привидений, — совершенно спокойно сообщила эта самая обычная на вид старшеклассница.

Подробности ускользнули от моего перегруженного сознания, но основное я все же запомнил: в больнице Цукиноки работают врачи, специализирующиеся на лечении пациентов не-людей, а Акинэ-тян под началом одного из них изучает привидения и нежить и учится на экзорциста.

— В школе Куга учат разным психопрактикам, например, концентрации внимания у спортсменов или избавлению от фобий, но также в их додзё готовят экстрасенсов. Поначалу я пришла к ним, чтобы стать одним из них.

— То есть… ты, получается, с детства могла видеть привидения?

— Угу. Думаю, это у нас семейное. Родители тоже их видят. Да и Куга-сэнсэя я знала чуть ли не с младенчества, поэтому для меня способность видеть привидения никогда не представлялась чем-то ненормальным.

Ее рассказ поразил меня до глубины души. Тогда что, спрашивается, считать «нормальным»?

— В шестом классе младшей школы я получила фамилию «Куга», а сразу после средней меня отправили на практику в Цукиноки. Она продлится до конца старшей школы, а там, наверное, отправлюсь на учебу в еще какое-нибудь духовное место.

— Ты сказала, что получила фамилию, то есть «Акинэ Куга» — это не настоящее имя?

— У нас принято скрывать настоящие имена.

На окраине современного города стоит больница для нежити, где проходит практику старшеклассница, мечтающая стать профессиональным экстрасенсом. Подобное окружало ее с самого рождения. Для нее все это было нормальным.

«Скажи же, как интересно жить, когда столько всего происходит, есть столько разных людей. Этот мир не так уж плох», — всплыли в памяти слова Поэта.

На нагретых солнцем досках спал, положив голову на белую собаку, Буся. Акинэ-тян, не желая потревожить умилительное спящее личико, осторожно погладила его по голове.

— Буся… ведь тоже привидение?

— Бусёнок — это овеществленный дух. Как и Бела. Собака.

— Овеществленный дух?..

— Территория общежития прикрыта особым полем, внутри которого дух пребывает в равновесии. В этом состоянии человек начинает видеть то, что раньше было ему недоступно, может прикоснуться к тому, что до этого считал неощутимым. Здесь открыты двери в другие миры, измерения наслаиваются друга на друга, фазы смещаются…

А-а-а, я уже совсем перестал что-либо понимать. Но тут очень вовремя подоспел Поэт с кофе.

— Рурико-сан испекла торт.

Глаза Акинэ-тян тотчас засверкали.

— Ура! Счастье есть!

Отрезав себе почти половину от целого торта, Акинэ-тян принялась уписывать его за обе щеки. Как ни посмотри, а передо мной была самая обычная девушка, обожающая шоколадный торт.

«Обычная… Нормальная…»

Поэт, ехидно улыбаясь, наблюдал за моими мысленными потугами.

— Решил, что будешь делать дальше, Юси-кун?

— Ну…

Действительно. Думай не думай, а деваться мне все равно некуда. Пусть здесь водятся привидения, но здесь так же живут и люди, которые считают это чем-то совершенно нормальным, так почему бы не воспринимать это как «необычный опыт», подумаешь, какие-то полгода потерпеть. Я ведь уже решил, что должен сам справляться со всеми возникающими передо мной трудностями. Окольные пути — не для меня.

— Я остаюсь здесь. Всего на полгода же, — усмехнувшись, сказал я.

Поэт тоже улыбнулся.

— Молодец. Вот это правильный настрой. Мало кому удается пожить в особняке с привидениями.

Поэт и Акинэ-тян расхохотались. Заразившись их примером, я тоже засмеялся. Ничего иного не оставалось. Как сказал Поэт, пока у меня такой настрой, как-нибудь справлюсь.

Весенний сад, разбитый на солнечной стороне, радовал множеством красивых цветов. Ямада-сан, согнувшись, отчего он еще больше стал напоминать шарик, выдергивал сорную траву. Привидение-садовод… А что, очень даже мило.

— О, еще один «человек» вернулся, — Поэт указал в сторону ворот.

Во двор зашла целая группа незнакомцев.

— Да это же Антиквар. Сто лет сто зим!

— Антиквар?

Им оказался высокий мужчина в черном плаще и с широкой повязкой на левом глазу.

Его окружали пятеро тяжело нагруженных коротышек. На головах у них были надвинутые на глаза касы, а одеждой они напоминали китайцев или вьетнамцев.

Походка возглавляющего их мужчины отличалась грациозностью… Но его зачесанные назад волосы в сочетании с глазной повязкой и тоненькими усиками, как бы это сказать… Не внушали доверия! Ни малейшего! Глядя на него, мне вспомнилась прочтенная в далеком детстве история, где одним из героев был то ли глава гильдии волшебников, то ли похищающий детей директор цирковой труппы. Хоть Поэт и утверждал, что он «человек», но в реальности, по крайней мере, мне таких людей встречать не приходилось.

— Приветствую-приветствую. Хорошо сидите, — небрежным тоном поздоровался Антиквар.

При явно выраженных европейских чертах лица и серого цвета радужки в единственном глазу для иностранца он говорил по-японски без малейшего акцента. Чем лишь усиливал общее подозрительное впечатление.

— Долго вас не было, Антиквар. Удачно закупились в этот раз?

— О-о, Акинэ-тян. Еще как удачно, а как же. А это тебе подарок.

Антиквар протянул Акинэ-тян красивый синий медальон.

— Это «слеза русалки».

— Спасибо, — Акинэ-тян с улыбкой приняла подарок.

— Знакомься, это Юси Инаба-кун. Новенький.

— П-приятно познакомиться.

— Хм-м…

Серый глаз Антиквара скользнул по мне оценивающим взглядом. После чего он сжал мое плечо и, достав из кармана что-то маленькое и белое, доверительно зашептал:

— Не желаешь «рог единорога»? Только сейчас отдам со скидкой.

Так и знал, что ему нельзя доверять! Кто он вообще такой?

— Не играй на чужой неопытности, — шлепнул Поэт Антиквара по руке.

Тот, от души расхохотавшись, скрылся внутри общежития.

И это человек? Потому что из всех уже встреченных здесь мною существ он казался наиболее странным, как внешне, так и производим впечатлением.

— Кто тут только не живет… — пробормотал я, уже почти не удивляясь.

— Тут много кто живет, — немедленно подтвердили Поэт и Акинэ-тян.

— Раз его зовут Антикваром, значит, он торгует и скупает антиквариат?

— Ну да. По его словам.

Поэт и Акинэ-тян одновременно усмехнулись.

— По его словам, он путешествующий между мирами торговец.

— По его словам, он владеет редчайшими ценностями, начиная керамикой Имари и

заканчивая волшебным кольцом царя Соломона.

— По его словам, левый глаз он преподнес королю фей в знак своей верности.

— По его словам, его слуги — это магически усовершенствованные роботы, созданные на основе трудов Альберта Великого.

— Что? А я слышала, что его слуги — это гомункулусы Парацельса?

Переглянувшись, Поэт и Акинэ-тян покатились со смеху. Я уже совсем перестал что-либо понимать.

— Другими словами, верить этому человеку нельзя?

— Именно! В самую точку! — продолжая хохотать, ответили они.

Привидения, выглядящие как самые обычные люди, и люди, настолько странные, что сомневаешься, а правда ли они люди. Пусть я уже принял решение, что остаюсь здесь, но мне стало немного боязно, все ли со мной будет в порядке при таком раскладе.

В то же время мне подумалось, что по сравнению с окружающей меня сейчас странной-престранной «реальностью», прежняя привычная реальность вдруг стала казаться чем-то глупым, и от этой мысли меня охватили смешанные чувства. Мне одновременно стало и досадно, и грустно, и смешно.

Но слушать за ужином в столовой Антиквара оказалось невероятно интересно, хотя я так и не понял, правду он рассказывал, или безбожно сочинял, настолько фантастическими были его истории.

— Для поимки единорога в качестве приманки используют невинных девушек, но в последнее время найти таких «невинных» — та еще задачка. Только я уже обрадовался, что нашел подходящую барышню, а она — раз, и обернулась далеко не невинной старухой-процентщицей… — вздыхал Антиквар, попыхивая тонкой сигарой, от которой поднимался пахнущий травами дым. И рассказывает вроде на полном серьезе, и вместе с тем понимаешь, что бесстыдно привирает, но я все равно заслушался. Точно ребенок мудрого старика-сказочника.

Пока мы с Поэтом и сидящей в обнимку с Бусей Акинэ-тян хохотали над байками Антиквара, вместе с нами в столовой пил чай похожий на скелет дедушка, неподвижно сидела на стуле длинноволосая женщина и читал газету Ямада-сан. В темноте за окном неторопливо порхало что-то светло-голубое, но я уже почти не обращал на это внимания.

Утро понедельника.

Я проснулся от того, что кто-то меня потряс. Семь часов. Будильник я поставить забыл. В комнате не было никого, кто мог бы меня разбудить. Ну разумеется.

На пути к умывальнику мне встретилась убирающая туалет Судзуки-сан.

— Д-доброе утро.

Мы с улыбкой поздоровались. Что бы я насчет этого ни думал, а отныне каждый мой день будет проходить именно так. Я усмехнулся.

Спустившись в столовую, я увидел там Акинэ-тян, уже поглощающую богатырскую порцию завтрака.

— Доброе утро! Первый день в старшей школе, да, Юси-кун?

— Так точно!

Таким уж насыщенным вышло начало моей учебы в старших классах.

В бизнес-колледже Дзёто девушек на порядок больше парней, и в моем первом «В» классе на десять парней оказалось двадцать две девушки. Понятное дело, я волновался, все-таки первый день, никого не знаешь, но вместе с тем я почувствовал облегчение. Здесь меня окружали только люди. Наверное.

День прошел за объяснениями о том, где что находится, экскурсией по территории и прочими официальными моментами. На сгоревшее общежитие мы тоже сходили посмотреть. Там уже в большой спешке работали строители, но, похоже, раньше осени заселения ждать не приходилось.

— О, Инаба, — подошел ко мне наш классный руководитель, Накатани-сэнсэй. — Слышал, ты сейчас живешь один в частном общежитии? Почему не остался у дяди, поездил бы полгода от них?

— Да как-то… И потом, комната нашлась дешевая.

— Дешево — это, конечно, замечательно, но общежитие-то как, хорошее?!

— Ну, да, конечно…

— Тогда ладно… Но если что — обращайся, понял? Можешь даже мне домой звонить.

— Понял. Спасибо.

Чужое внимание — штука приятная, но вываливать на посторонних свои проблемы и жалобы мне не хотелось.

Хасэ бы сказал: «Не перестарайся», — но в этом мире без старания никуда, да и сам я, переставая стараться… начинаю испытывать тревогу.

В одном классе со мной оказался товарищ по несчастью, тоже планировавший поселиться в общежитии.

— Скажи же, неожиданно? Ни с того ни с сего… Из-за этого все планы полетели, а я только нашел себе здесь подработку!.. — ворчал Такэнака. Ему теперь до окончания строительства общежития придется ездить в колледж из дома. Два часа в одну сторону.

— Повезло тебе, Инаба, нашел хорошее место. Может, там и останешься?

— Что?! Нет, ни за что!

— Почему?

И что мне сказать? Потому что там кишмя кишат привидения?!

— Ну, в школьном общежитии все-таки спокойнее. Родителям там, родственникам… Есть комендант и все такое…

— Не без этого, да… А, придумал! Можно как-нибудь прийти к тебе в гости?

— Что?! Нет, я просто… вещи еще не разобрал…

— А когда разберешь — можно?

— Ну… посмотрим…

Еще не хватало! Узнай в школе, что я живу в Особняке нежити, и от меня самого начнут шарахаться!

— Хотя на самом деле хочется пригласить… Эх… — с понурой головой перешагнул я порог

общежития.

— С возвращением, — поприветствовал меня кто-то невидимый.

— А-а, это Ханако-сан. Она всегда стоит на входе, прощается и здоровается, когда возвращаешься, — пояснил Поэт.

— И все?

— Да, и все. Со временем начнешь и ее саму видеть.

Да как-нибудь обойдусь, честное слово.

Но с каждым днем мои глаза действительно подмечали все больше сверхъестественных существ. Видимо, я просто привык к их окружению.

Кроме Судзуки-сан, Ямада-сана, Буси и других жильцов с личными именами, в общежитии жила еще куча самых разных созданий.

Кто-то находился здесь постоянно, как, например, игроки в маджонг, кого-то — как пьющего в столовой чай дедушку — можно было увидеть лишь время от времени. Некоторые напоминали людей, другие — животных, растения, насекомых или просто какие-то сгустки, а были и такие, которые вообще ни на что не были похожи. Одна их часть разговаривала на японском, вторая — на иностранных языках. Ко мне в комнату они практически не заглядывали, но во всех остальных помещениях — в столовой, в гостиной, в ванной, в туалете — почти стопроцентно можно было встретить что-то потустороннее. А ведь с переезда прошло всего десять дней! На душе накапливалась усталость.

— Иссики-сан, как вам удается так спокойно вести себя в окружении привидений? — спросил я как-то за ужином Поэта.

В столовой как обычно набилась толпа. И хотя специально никто не шумел, из-за гула множества голосов атмосфера царила оживленная. Прямо как в школьной столовой. Из людей сегодня здесь были лишь мы с Поэтом. Немного гнетущее чувство.

— Потому что я считаю их интересной компанией, — с улыбкой ответил Поэт.

— Компанией? Привидения?

— Да. Они такие же, как мы. Просто живут своей жизнью. Среди них есть как хорошие, так и плохие. Опять-таки, как и среди нас. Мы ничем друг от друга не отличаемся.

Наверное, подумалось мне, он так говорит, потому что сам несколько отличается от обычных людей. Ведь, сколь бы безобидными они ни были, это все-таки привидения. Привидения! Почему же он так легко признает их существование? Да еще считает «компанией». Лично меня, после того, сколько я на них насмотрелся и сколько раз ощущал кожей их прикосновения, обуревали прямо противоположные чувства.

«Погодите… А думать так — разве не расизм? Хотя какой расизм, они же даже не люди…»

Пока я то кивал, то мотал головой своим мыслям, Поэт с интересом за мной наблюдал.

В этот момент в столовую неожиданно вошел человек.

— Ах… Славно покупалась!

Женщина.

— Угхум!

Я чуть не подавился соте из курицы по-китайски.

Из всей одежды на этой женщине были только шорты и едва прикрывающее груди полотенце на шее, что произвело бы сногсшибательный эффект на любого старшеклассника.

Тем более при такой-то фигуре! Тонкая шея и изящные ключицы. Длинные руки и ноги. Плавный изгиб талии. Супермодели отдыхают! Все это было настолько неожиданным, что мое мужское естество не успело среагировать, и я лишь изумленно вытаращился.

— Марико-тя-я-ян! Прекрати шататься в таком виде!

— Тебе что, жалко? Будто тебя это трогает, Иссики-сан.

— Меня — нет, но среди нас есть еще и юноша.

— Ой, точно!

«Марико-сан» по-детски громко расхохоталась.

Какая же она все-таки красивая. Кажется, я впервые в жизни видел собственными глазами настоящую красавицу.

Длинные, выкрашенные в каштановый цвет волосы были затянуты в небрежный хвост на затылке. Ясные глаза, аккуратный носик. Чувственные слегка припухлые губы и привычка во время разговора наклонять голову, в общем, привлекательности ей было не занимать, причем именно в глазах мужчин. Кажется, таких, как она, называют кокетками. Прямо настоящая модель, сошедшая с обложки глянцевого журнала.

— Я Марико. Приятно познакомиться, Юси-кун.

— А, да… Здрасьте…

А-а-а, пожалуйста, не наклоняйтесь так сильно! Грудь же будет видно!

— «Марико-сан». В прошлом человек, — сказал Поэт.

— В прошлом?! То есть… привидение?

Марико-сан со смехом повела плечами. Каждый ее малейший жест притягивал взгляд. Кем же, интересно, она была при жизни?

— По личным обстоятельствам на небеса отправляться не спешу! Хе-хе!♪ — звонким и чистым, как родник, голосом сообщила красавица-привидение и направилась в сторону кухни. — Рурико-тян, дай-ка мне пива! Пива!

Глушащая после ванны пиво красавица (причем привидение). Да уж, действительно, кого тут только нет.

— И все-таки… какая она красивая (хоть и привидение).

Что сказать, даже меня проняло.

Поэт усмехнулся.

— Марико-тян может точно также и в мужскую ванную ввалиться, так что ты имей в виду.

— Вот это уже точно лишнее!..

— С момента, когда она стала привидением, прошло уже немало времени, вот у нее постепенно и атрофируется женское мировосприятие. Совсем в средневозрастного мужика превратилась,

— засмеялся Поэт.

— А о каких таких личных обстоятельствах она говорила, что не спешит на небеса?

— Слышал про храм Моридзуми?

— А, вы про храм по другую сторону Запретного леса?

— Там работают ясли для привидений и нежити.

— Ясли?! Для привидений?!

Сначала больница для привидений, а теперь ясли? Такими темпами где-нибудь наверняка должна быть и школа для привидений!

— Марико-тян работает там воспитательницей.

— Воспитательницей…

— Ах да, сейчас же принято всех называть «воспитателями». Я этого категорически не понимаю. Кто вообще это придумал, будто одним словом можно уровнять мужчин и женщин? По мне, так должны быть и воспитатели, и воспитательницы.

Слушая Поэта, я смотрел на Марико-сан.

Она отказывается отправляться на небеса и работает воспитательницей у привидений. Почему? Зачем эта красавица избрала себе такой путь? Мне стало до смерти любопытно, что у нее были за «личные обстоятельства».

Марико-сан с банкой пива в руке вышла из столовой, не забыв на пороге обернуться и послать мне воздушный поцелуй.

В следующий миг шумная столовая вдруг разом затихла.

— М?

Я оглянулся по сторонам. Веселая компания застыла, не шевелясь, и все повернулись к стене, точно в попытке уловить за ней чье-то присутствие.

Какие-то существа поспешили бесшумно испариться, другие крадучись покинули столовую,

так что в итоге от оравы потусторонних созданий осталось не больше половины.

— Что случилось? Чего они?

— Ха-ха, по всей видимости, вернулся Рю-сан, — ответил Поэт.

— Рю-сан? Это?..

— Из двести третьей комнаты… Человек. Наверное.

— Наверное?..

— В необычности может поспорить с Антикваром.

— То есть уверенности, что он человек, не внушает. Понятно.

— Как ты уже мог видеть, с приходом Рю-сана многие привидения тут же сбегают. Сам он называет себя экстрасенсом.

— Экстрасенс… Как Акинэ-тян?!

— Только намного-намного сильнее и настоящий профессионал. Для Акинэ-тян он пример для подражания.

Другими словами, еще один человек-загадка. Один за другим… Сил никаких нет.

Еще во время рассказа Акинэ-тян я задумался, кто такие профессиональные экстрасенсы? Они правда существуют? До недавнего времени мои знания об экстрасенсах ограничивались объявлениями всяких медиумов-магов в газетах и не вызывающими никакого доверия новыми религиозными учениями, поэтому мне все еще было трудно связать способности Акинэ-тян, что она передо мной продемонстрировала, с термином «экстрасенсорные».

Но реакция потусторонних существ, была, что говорится, на лицо. Даже те, что остались в столовой, притихли и напряглись. Их волнение передалось и мне, и у меня гулко забилось сердце.

— Иссики-сан, а эти экстрасенсы… чем они по сути занимаются?

— Да я сам в этом слабо разбираюсь. А о Рю-сане вообще мало что известно, он и настоящего имени своего не открывает.

— А-а, опять это правило «скрывать настоящие имена».

— Но, думаю, он человек. Наверное.

Поэт со значением улыбнулся.

Со стороны прихожей послышались радостные вопли Марико-сан.

— Рю-сан! С возвращением! А-ха-ха-ха-ха!

Судя по голосу, Марико-сан обнимала этого Рю-сана! Я представил, как меня обнимает голая Марико-сан… Мне было бы неуютно.

— Ну все, все, хватит. Я дома, Марико-сан. О, Ханако-сан. Чудесное кимоно, как всегда, — донесся из прихожей четкий и приятный на слух голос. Если судить по тому, с какой непринужденностью он разговаривал с Марико-сан, голос принадлежал молодому мужчине. Для меня, признаться, это стало неожиданностью.

— Привет, Рю-сан, с возвращением. Давно не виделись.

— Привет, Иссики-сан. Давненько.

Я в изумлении уставился на вошедшего в столовую человека.

«Рю-сан» действительно был молод. На вид лет двадцать четыре — двадцать пять. Зная, что он экстрасенс, который может поспорить в необычности с самим Антикваром, я ожидал увидеть какого-нибудь подозрительного дядьку или бритого монаха с лицом постигшего Истину, но это оказался высокий худой мужчина, одетый во все черное (тут они с Антикваром были похожи), с длинными, убранными в хвост черными волосами, в общем, очень… очень стильно выглядящий, привлекательный молодой человек. До такой степени, что на язык так и просился вопрос: «А вы как-нибудь связаны с шоу-бизнесом?»…

«И это экстрасенс?..»

В голове у меня воцарилась полнейшая каша.

— Так-так, у нас новенький. Какой сюрприз.

— Юси Инаба-кун. Ученик первого класса Дзёто. Поселился только на полгода.

— А-а, слышал, у них общежитие сгорело. Приятно познакомиться. Все зовут меня «Рю-сан».

Ты тоже так зови.

— А, з-здравствуйте. Юси Инаба. Приятно познакомиться.

В том, как он протянул мне руку для рукопожатия, было столько… Не знаю даже, как описать, — изящества? Благородства? Элегантности? Нет, Антиквар тоже держался благородно и выглядел стильно, но… Точно, атмосфера! Атмосфера вокруг него была совсем иной!

«Крутой…» — вот какое впечатление вызывал этот человек.

Во время рукопожатия с Рю-саном мне передалось тепло от его ладони. Тепло живого существа. Как сказал Поэт, «наверное, человека».

— Поначалу здесь может быть несладко, но ты быстро освоишься. Потому что все здесь — естественная часть мира. Просто здесь их лучше видно, — с улыбкой сказал Рю-сан.

— Естественная часть мира…

Поэт тоже говорил нечто подобное.

«Естественная часть мира… Просто здесь их лучше видно…» — я еще раз повторил про себя эти слова.

Рю-сан ужинал тем же, что и мы. Со стороны он выглядел как самый обычный человек. Но главное отличие состояло в том, что потусторонние создания вокруг не отводили от него глаз. Не производя ни звука и не шевелясь, точно застыли от волнения в присутствии очень важной персоны. Или как раз в этом и заключалась роль экстрасенса? За кофе я решился задать Рю-сану вопрос.

— А экстрасенсы… это что-то вроде экспертов по духам?

— Хочешь что-то спросить?

— Подумал тут, почему в этом общежитии так много нежити…

Рю-сан легонько кивнул.

— Для них здесь что-то вроде оазиса посреди пустыни.

— Оазиса? Для нежити?

— Думаю, когда-то давно, когда было вдоволь лесов, земли и воды, сердца людей были открыты, а в мире еще оставалось много по-настоящему темных мест, нежить обитала повсюду. Но в современном мире дикой природы нет. Темных мест тоже нет. Все больше людей закрывают свои сердца на замок. Нежить стала изгоем.

— Хотите сказать, раньше весь мир был как это общежитие?

— Да. «Сверхъестественное» всегда было рядом. Только руку протяни. Они жили рядом с человеком. Сосуществовали с ним. И это было естественно. В погоне за «рациональностью» и «удобством» люди отринули не только видимую часть природы.

Я одновременно и понимал, о чем он говорил, и не понимал.

Для меня, рожденного и выросшего в современном мире, окружающая действительность всегда представлялась чем-то совершенно естественным. Да, в ней мало зелени, мало земли и темноты. И потусторонних существ в ней нет. Зато благодаря прогрессу мы забыли о неудобствах. Другого мира я не знаю, поэтому никогда не задумывался, какой ценой он был построен. И не могу сказать, была ли жизнь человека в прошлом счастливее и полнее, чем сейчас.

— А никто, думаю, не сможет с достоверностью сказать, — улыбнулся Рю-сан после того, как я выложил ему свои мысли. — Нет ничего, что не меняется с течением времени. И быт человека, и природа, и нежить, и понятия о счастье и полноте, все меняется…

От разговора с Рю-саном на душе становилось как-то очень тепло. Его голос и манера речи точно проникали в самое сердце, и хотелось слушать его еще и еще.

— Для тебя тоже здешние обитатели послужили хорошей встряской, не так ли? — усмехнулся Рю-сан.

— В смысле?

— Я тоже так думаю! Чем чаще у Юси-куна глаза лезли из орбит, тем мягче становилось выражение на лице, — вмешался Поэт и захохотал.

— И боль, и грусть — лишь часть всего. А ты еще так молод. Реальность не состоит из одних трудностей. Если ты захочешь, перед тобой откроются бесконечные возможности. Попробуй взглянуть на мир под другим углом, и он изменится. Точно так же, как в одночасье рухнуло твое прежнее представление о жизни.

Он видел меня насквозь. Хотя мы только познакомились.

После переезда в это общежитие весь мой привычный образ мыслей, весь мой здравый смысл

постепенно рушились, и мне ничего не оставалось, кроме как со смехом наблюдать за этим процессом, пока в конце концов мне действительно не стало весело.

Смейся, подумал я. Зачем сковывать себя рамками собственного образа мыслей и здравого смысла, подумал я. Да и некогда мне.

— У тебя впереди долгая жизнь в бесконечно огромном мире. Позволь себе расслабиться.

От этих слов Рю-сана у меня мучительно сжалось в груди. Я молча кивнул.

Вообще-то не в моем характере было вот так послушно внимать наставлениям старших, но слова Рю-сана я вбирал в себя с жадностью. Настолько понимающим он казался.

— Душа, перерождаясь, живет вечность, но мы застаем лишь краткий ее момент и за этот ничтожный срок едва успеваем оставить в ней хоть какой-нибудь след. Брошенные в бурлящий водоворот времени и судьбы, на фоне Вселенной и бесконечного числа других измерений мы не более чем песчинки. И все же именно на нас стоит этот мир. Он строится на наших жизнях. Само его существование есть цепь, что связывается и питает все внутри него. Поэтому всякая жизнь имеет смысл и ценность. Все они складываются в ось, на которой держится мир.

Я мало что из всего этого понял, но слушать было невероятно приятно. Слова лились, точно стихи. Пусть я не понимал их смысла, но заключенный в них мысленный посыл, обратившись звуковой волной, словно напрямую проникал мне в мозг… Такое у меня создавалось ощущение. Я хотел продолжать его слушать. Пожалуйста, расскажите что-нибудь еще! Такое желание вызывал у людей Рю-сан.

В тот вечер я не отлипал от Рю-сана. Мы много о чем говорили: о сверхъестественном, разумеется, но еще о людях, обществе, религиях — тем было затронуто много.

Знания Рю-сана оказались столь обширны и глубоки, что у меня возникло впечатление, будто нет ничего такого, чего бы он не знал, или в чем бы не разбирался. На любой мой вопрос он давал обстоятельный ответ или подробно высказывал свою точку зрения.

Беседуя на столь важные и неоднозначные темы, я чувствовал, как постепенно расширяется мое мировоззрение. Полная противоположность тому, как было за ужином с Антикваром. Теперь от подобных мыслей я улыбался. Мне начал нравиться царящий в этом общежитии хаос.

Незаметно наступило утро. Проснулся я, потому что меня опять «кто-то» потряс.

— А, уже утро. Когда я заснул?

Было семь часов. В витраже сверкало утреннее солнце.

Проспал я всего ничего, но голова была на удивление светлой, а настроение — отличным. До скольки же мы проговорили с Рю-саном и Поэтом? Какие-то темы оказались для меня слишком сложными для понимания, но, несмотря на это, меня переполняло ощущение, будто мой внутренний мир резко расширился. Будто я стал немного умнее.

Выходя из комнаты, я поблагодарил того «кого-то», что меня разбудил. Смущаясь, правда, но, думаю, мне удалось сказать это искренне.

В коридоре Судзуки-сан и сегодня протирает пол. В гостиной Буся с Белой смотрят телевизор. Странные и, возможно, не принадлежащие этому миру ребята, но самые настоящие добрые соседи. Причем всего на полгода. Рано или поздно я уеду отсюда и со временем — кто знает? — забуду о живущих здесь потусторонних созданиях. «Это нормально, — сказал на этот счет Рю-сан. — А потому не бери в голову и наслаждайся».

Потеряв в двенадцать лет родителей, я оказался поставлен перед фактом, что отныне мне придется выживать в этом жестоком мире в одиночку. Я все твердил себе, что не сдамся, что меня не сломить, и сам не заметил, как загнал себя в стрессовое состояние. Я решил для себя, что любые сложные в нахождении выхода ситуации я буду делить на две категории: те, что преодолею, чего бы это мне ни стоило, и те, с которыми буду смиряться, принимая их как данность. Если подумать, тот еще пессимистичный настрой.

Но здесь, в этом разительно отличающемся от всего остального мира пространстве, живут Поэт и Художник, ведущие самый обычный образ жизни, и Акинэ-тян и Антиквар, которые хоть и такие же люди, как я, но являются частью совершенно иного мира. Глядя на них, я осознал, что понятие «обычный» — весьма относительно, а после слов Рю-сана: «В общем, относись ко всему немного проще», — я на полном серьезе подумал, что именно так и надо.

«Ну а что, когда узнаешь, что твои мировосприятие и образ мыслей и выеденного яйца не стоят, глупо как-то продолжать за них держаться».

Из меня точно воздух выпустили. Мир, вполне вероятно, намного больше, чем я могу себе представить. Пребывая в постоянном напряжении, в нем попросту не выжить.

«У тебя впереди долгая жизнь в бесконечно огромном мире. Позволь себе расслабиться», — точно заклинание повторял я про себя слова Рю-сана.

Переставая стараться, я начинал испытывать тревогу. Но постоянно терпеть ее меня больше не

прельщало.

Попробую относиться ко всему немного проще. Для меня это была новая мысль. И я ей радовался.

Поэтому приготовленный Рурико-сан завтрак показался просто возмутительно вкусным! Жареная ставридка! Мисо-суп с картофелем и луком! Хидзики! Яйца с беконом! Бесподобно!

— Здешние овощи, рыба и прочие продукты — все выращено или поймано нежитью.

Признание Поэта стало для меня полной неожиданностью.

— Нежить на полях работает?!

— Они ведь все-таки неотъемлемая часть природы, их родина — это горы и леса. Насколько я знаю, есть много нежити, которая выращивает овощи, занимается собирательством, ловит рыбу или разводит скот.

— Сейчас таких называют натуралистами, — вставила Акинэ-тян, уминающая в качестве десерта роккакудовский «Запредельно огромный ан-пан».

— Натуралисты, говорите…

Возможно, когда-то давным-давно люди точно так же жили бок о бок с нежитью. Последние, и в наше время оставаясь коренными жителями лесов, занимаются тем, что, к примеру, продают выращенные своими руками овощи. В подобные этому общежитию места. Хотя, кто знает, может, они и супермаркеты снабжают.

— Чуть не забыл, Юси-кун. Ты где обедаешь? В столовой? — спросил Поэт.

— Да. В столовой или просто хлеб себе покупаю.

Услышав мой ответ, Поэт с широкой улыбкой сказал:

— Просто Рури-Рури вызвалась приготовить тебе бэнто.

— Что?! Серьезно, Рурико-сан?!

Я резко повернулся к затемненной кухне. На рабочий стол, отделявший кухню от столовой, кто-то невидимый робко поставил бокс для бэнто. Я смогу отведать превкуснейшей еды Рурико-сан и в обед! Вскочив, я бросился к столу.

— Ох, спасибо огромное! Это так кстати!

— Рури-Рури готовит — пальчики оближешь. Настолько вкусно, что Юси-куну все равно, что она привидение, да, Юси-кун?

Я без тени сомнения ответил:

— Так точно! Совершенно все равно! Каким бы привидением она ни была!

— Вообще-то, Рурико-сан — это одни кисти рук, — насмешливо произнес Поэт. Акинэ-тян тоже улыбалась.

— Что?

Я невольно всмотрелся в темную кухню. И впервые увидел Рурико-сан.

Прямо в воздухе висели две белые, смущенно потирающие друг друга руки. Рурико-сан в буквальном смысле представляла из себя одни кисти. У меня резко вспотела спина.

— А-а-а-а-а! Нет, это уже слишком! — закричал я. Мысленно.

«Ничего-все-хорошо-все-замечательно… еда есть еда… причем вкусная…» — принялся я сам себя уговаривать.

— Мы ушли!

Взяв с собой по приготовленному Рурико-сан бэнто, мы с Акинэ-тян выбежали из общежития.

Поливающий сад Ямада-san помахал нам на прощанье. Как и Рю-сан из окна своей комнаты на втором этаже. На крыше сидел полностью красный ребенок и смотрел на небо.

Сегодня стоит наконец сесть за ответ Хасэ, а то от него уже два письма успело прийти, и в каждом он спрашивал, как у меня дела.

Напишу, что «все отлично» и «наслаждаюсь жизнью». Но о привидениях, разумеется, умолчу.

Большая перемена. Медленно открываю крышку бокса приготовленного Рурико-сан бэнто… «Тюльпаны» из курицы с ленточками, чтобы удобнее было брать, аккуратно нарезанные

сосиски, морковные «звездочки» в салате — сразу видно, что все это готовилось с любовью и с учетом количественных и энергетических потребностей растущего организма молодого парня.

— Ну, Рурико-сан! Я даже не удивлен! — не сдержал я восторга.

— Ого! Какая вкуснятина! — шумно выдохнул проходивший мимо и заглянувший в мой бокс Такэнака. — Дай попробовать!

С этими словами он забросил в рот фрикадельку.

— А… Эй!..

На секунду меня обуяли сомнения. Что если приготовленная Рурико-сан еда казалась вкусной лишь обитателям общежития? Вдруг я находился под властью какого-то заклинания, заставляющего меня получать удовольствие от ее блюд?.. И тут лицо Такэнаки сильно сморщилось.

— Это про-о-осто с ума сойти как вкусно! Кто тебе это приготовил? А? Только не говори, что уже успел завести себе подружку!

— Н-нет, конечно. Это приготовил повар из общежития.

— Везет же! Хорошо у тебя там, в твоем общежитии!

Я с облегчением выдохнул. И ощутил легкую гордость, видя искреннюю зависть Такэнаки.

«И что с того, что Рурико-сан — это одни кисти рук!» — уписывая за обе щеки содержимое бокса, от всего сердца подумал я.

Бежали дни.

Небо незаметно окрасилось в голубой, солнце начало пригревать, и по улицам задул теплый, предвещающий скорое лето ветер.

Весна пролетела за школьным турниром по играм с мячом, уроками, занятиями в клубе, встречами с одноклассниками и Хасэ… В общем, я в полной мере наслаждался жизнью совершенно обычного старшеклассника.

За это время я успел окончательно привыкнуть к общежитию. И хотя я все еще вздрагивал при

виде очередного незнакомого потустороннего создания, но мне достаточно было знать, что в этот особняк могут попасть только существа с благими намерениями. Куда больше меня стали напрягать болтающиеся вокруг Дзёто и окрестностей колледжа кучки хулиганов. Хотя сравнивать хулиганов с нежитью — это как-то…

«Шпана… Уж не знаю, чего их там конкретно не устраивает, но, по сути, весь их «протест против общества» — не более чем проявление запущенной избалованности родителями и того же самого общества. Мне вот некогда на мир обижаться».

Всякий раз при виде их меня охватывало раздражение и хотелось сплюнуть. Хотя я и понимал, что в основе этих мыслей лежал мой собственный комплекс неполноценности — у меня самого ведь не было родителей, которые могли бы меня избаловать.

Случилось это в ту пору, когда бассейны уже открыли, а лучи летнего солнца немилосердно забили в глаза. По дороге из школы я заметил в гамбургерной Такэнаку. Хотел было поздороваться, но передумал, заметив, что компанию ему составляют парни, не отличающиеся достойным поведением — сидят, закинув ноги на сидушки, мусорят и спокойно себе дымят, хотя на всех школьная форма. И Такэнаке, похоже, нравилось их общество.

Не то чтобы мы с Такэнакой так близко дружим, но в классе у нас соседние парты, и болтаем мы часто. Ему пришлось очень по душе приготовленное Рурико-сан бэнто, и теперь он каждый день требует, чтобы я чем-нибудь с ним поделился. Из-за его бурных восторгов сейчас все в классе завидуют моему бэнто. Когда я рассказал об этом Рурико-сан, она принялась смущенно мять пальцы.

Сам Такэнака, уверившись, что Рурико-сан — это «молодая красавица немного старше нас» (хотя я упомянул лишь о красивых руках), регулярно пристает ко мне с просьбами «Можно прийти к тебе в общежитие?» или «Познакомь меня с Рурико-сан!», заставляя меня всякий раз придумывать отговорки. Но как бы то ни было, я беспокоился за него, как за одноклассника.

Людей легко тянет к «плохому». Все начинается с малого — первая сигарета в средней школе или еще какая-нибудь ерунда, но со временем это почти невинное любопытство может перерасти в жажду грабежей или даже убийств. Но, тем не менее, плохое все равно к себе манит.

— Такова человеческая суть, — сказал как-то Рю-сан. Правда, это относилось к его рассуждениям на такие сложные темы, как, к примеру, инстинктивное стремление человека к разрушению, и рассказам о борьбе против системы, изменившей ход истории, тогда как в случае Такэнаки ничем таким глобальным и не пахло, всего лишь глупый мальчишка, решивший поиграть в «плохого парня». А раз так, подумал я, то и выйти из этой игры особого труда не должно составить.

— Не связывался бы ты с этими ребятами, — осторожно сказал я однажды Такэнаке.

Но тот в ответ криво усмехнулся, и эта улыбка очень мне не понравилась.

— Ты такой правильный, Инаба, — в тоне его тоже сквозило что-то отталкивающее. — Да все нормально. Мы так просто, общаемся иногда. Лучше скажи, ты все еще собираешься перебираться в школьное общежитие, когда его построят?

— Что? А-а, ну, конечно…

— Уйдешь из такого классного места? Я бы остался.

— Ты же там ни разу не был.

— Так ты же ни разу так и не позвал!

— Есть такое… Дел куча…

Новое школьное общежитие обещали закончить к концу августа, причем объявили, что въехать можно будет в удобное для самих учеников время. Кто-то из-за богатого на школьные мероприятия второго триместра собирается дождаться зимних каникул. Я сам планирую переехать до начала контрольных тестов в середине триместра, когда еще будет свободное время.

После знакомства с обитателями того невероятного особняка у меня с глаз спала пелена, и сейчас я соседствую с ними, как ни в чем ни бывало.

— Да уж… удивительное дело.

При мысли о прощании меня охватывали сильные переживания.

Я стоял, задумавшись на эту тему, в ожидании автобуса, когда ко мне подошла знакомая по клубу разговорного английского — Тасиро.

— Йоу!

— Привет.

По сравнению со средней школой сейчас девушки заговаривали со мной куда чаще. По словам Хасэ, в то время у меня на лице точно было написано «Не подходи — убьет», но, может, в последнее время выражение на моем лице смягчилось? Если так, то, думаю, это благодаря жизни в Особняке нежити.

А больше всех на меня повлияла Акинэ-тян, во многих смыслах вдребезги разбив мое прошлое представление о девушках.

Автобус остановился у станции. Решив зайти в канцелярский магазин, я пошел по тротуару перед станцией. Передо мной шли Тасиро с подругой. Тогда это и случилось.

«О, Тасиро, похоже, тоже куда-то собирается», — подумал я, и в этот миг сердце вдруг тревожно забилось.

«Что… в чем дело?»

На секунду я решил, что это со мной что-то не так. Но дело было в другом. Меня терзало дурное предчувствие. Причины я не понимал, но откуда-то знал: грядет что-то плохое. Это ощущение возникло, стоило мне посмотреть на Тасиро. Я страшно растерялся.

«Что за?.. Причем тут Тасиро? Или она на самом деле на дух меня не переносит?»

Не в силах оторвать глаз от весело болтающей о чем-то с подругой Тасиро впереди, я никак не мог успокоиться.

«Плохо дело… Плохо… Плохо… Но что именно плохо-то?!»

И тут с дороги на тротуар вылетел мотоцикл.

«Это!..» — когда до меня дошло, было уже поздно. Раздался жуткий грохот, за ним последовал девичий крик. Мотоцикл ударил Тасиро по ногам, ее подругу тоже задело и отбросило в сторону.

— Тасиро!!!

— Уа-а-а-а-а!!! — заревела в голос упавшая на тротуар Тасиро. Ее подруга лежала без чувств.

— Тасиро!

Я бросился к ней. Тасиро впилась мне в руку и, обливаясь слезами, прохныкала:

— Как больно! Моя нога!

Ее правая нога ниже колена была вывернута под странным углом, сломанная кость проткнула кожу, и из раны фонтаном била кровь. И для ничего не понимающего в медицине было ясно, что травма была тяжелой. Из-за страшной боли Тасиро даже не могла потерять сознание.

— Д-держись, слышишь?! Помощь скоро придет!..

— Мне больно! Больно! Больно!!!

Собравшиеся вокруг прохожие звонили в «скорую» и полицию. Судя по раздававшимся откуда-то неподалеку грозным выкрикам, водителя мотоцикла задержали.

— Помоги мне, Инаба-кун! Помоги! Мне так больно!!!

Лицо Тасиро бледнело на глазах. Нужно было остановить потерю крови, но я понятия не имел, можно ли дотрагиваться до столь тяжелой раны и вообще шевелить в таких случаях пострадавшего. В голове резко опустело.

«Я ведь знал… Знал, что что-то произойдет…»

Я что было сил сжал в ладонях руки Тасиро. И вдруг…

Окружавший нас гомон резко отдалился. И текущие по лицу Тасиро слезы, и толпившиеся вокруг люди — все неожиданно замедлилось.

«Что за?..»

Я почувствовал, как из сцепленных с моими рук Тасиро в меня начинает что-то вливаться. Некая вязкая горячая жидкость, то ли красная, то ли черная и мерцающая как в калейдоскопе белыми огоньками. Не то чтобы я на самом деле ее видел, но именно такой образ возник в голове.

«О… О-о?»

По мере того, как в меня входило все больше этой «субстанции», мое тело тяжелело, сердце бешено забилось. Одновременно с этим лицо Тасиро постепенно разгладилось, она шумно выдохнула и потеряла сознание.

Я застыл, категорически не понимая, что произошло. Голова раскалывалась, тело точно налилось свинцом, с меня градом лил пот.

— Юси-кун?! — показалось в толпе лицо Акинэ-тян.

— А… Акинэ-сан… — Даже голос у меня охрип.

— Кто-нибудь, дайте полотенце! «Скорую» вызвали? Что с другой девочкой?

— Без сознания, а так цела.

— «Скорая» сейчас приедет.

Акинэ-тян прижала к ране Тасиро полотенце и стянула собственным школьным галстуком ее правое бедро.

— Прости, я… кажется, мне нехорошо… — стыдливо пробормотал я. Это надо же, едва не грохнуться в обморок, глядя на чужую рану и кровь!

Но Акинэ-тян решительно замотала головой.

— У нее остановилось кровотечение. Это ты его остановил, Юси-кун.

Я непонимающе на нее воззрился.

— Погоди. Сейчас я это из тебя выпущу.

Акинэ-тян прижала одну руку к моему лбу, а второй медленно провела по спине снизу вверх.

Вместе с этим всю ту вязкую субстанцию внутри меня точно магнитом притянуло к ее ладони на моем лбу, и я почувствовал, как она из меня выплескивается.

— Ох…

Телу медленно возвращалась легкость. Головная боль прошла, пульс успокоился, пот больше не выступал.

Изумленно моргая, я посмотрел на Акинэ-тян. Та широко улыбнулась.

Когда приехали «скорая» и полиция, Тасиро с подругой забрали в больницу, а виновника аварии, меня и еще нескольких свидетелей отвезли в полицейский участок. К тому моменту я уже окончательно пришел в себя. Точно того мучительного состояния никогда и не было.

Свидетельские показания у меня взяли на удивление быстро, но все равно, к тому моменту, когда я добрался до общежития, у меня уже живот сводило от голода.

— С возвращением! Ты сегодня прямо герой!

Меня встретила Акинэ-тян, взявшая на работе отгул. И особенное меню Рурико-сан!

Говяжьи рулетики с начинкой из фучжу, жареные баклажаны под мисо-соусом и жареный пагр — при виде всего этого слюнки так и потекли. Отделенное от костей рыбное филе, стружки корня лопуха, даси и яйцо пошли на приготовление оригинального янагава-набэ из пагра, поверх которого возвышалась горка переливающегося риса. Смелое решение! А в дополнение к этому жареная в кастрюле-набэ из натурального камня гречневая лапша соба с летними овощами и морепродуктами! Вдохнув исходящий от потрескивающей в набэ собы аромат, я уловил запах кочхуджана, и уже его одного было достаточно, чтобы вызвать мощный прилив сил. Просто роскошно!

— Как же вкусно! Рурико-сан!

— Это твоя награда за труды, Юси-кун.

— Но я ничего… А, точно. Та раненная девушка, Тасиро, мы с ней в одном клубе…

Я рассказал Акинэ-тян о том дурном предчувствии по поводу Тасиро. Акинэ-тян слушала меня и кивала. И наконец сказала следующее:

— Возможно, в тебе есть зачатки экстрасенсорных способностей.

— Что? Во мне?!

— Судя по всему, на тебя сильно повлияла здешняя обстановка, вот способность и начала развиваться.

Я не знал, как относиться к услышанному. До недавнего времени я понятия не имел, что экстрасенсорные способности в принципе существуют, а тут мне сообщают, что во мне есть их зачатки.

— Ты сказал, что, глядя на ту девушку, тебе стало плохо, так? Дело в том, что ты взял на себя урон от ее раны.

— Я взял на себя… урон от раны?

— Ты вобрал в свое тело ее повреждения. Поэтому она успокоилась, и кровотечение остановилось.

— А… А такое возможно? Вбирать в себя подобное?

— Если обладаешь способностью синхронизироваться с объектом, этот способ часто применяют в так называемых «исцелениях верой».

Акинэ-тян поставила на стол две кружки и налила в одну воду.

— Суть в том, что урон, понесенный этим телом, переносится в более здоровое тело, — с этими словами она перелила воду из одной кружки в другую, после чего продемонстрировала мне опустевшую. — В отсутствие урона организм восстанавливает повреждения. А я тот урон, что ты в себя вобрал, выпустила наружу.

Акинэ-тян выпила воду, и теперь обе кружки оказались пусты.

— Надо же…

Я ощутил искреннее восхищение. В моей памяти все еще были свежи воспоминания о той вязкой субстанции, что проникла в меня из тела Тасиро, которая, оказывается, была понесенным ею уроном, и как потом Акинэ-тян одним движением руки вытянула его из меня.

— Но самой боли я не почувствовал?

— Урон, что несет тело или душа, проявляется как усталость.

— А ведь точно!.. Из меня будто все силы вытянули. Сердце заходилось, как перед обмороком, и есть потом захотелось.

— Если бы ты не вобрал в себя ее урон, для нее все могло закончиться куда хуже. Ты молодец.

— Ха-ха…

Ну какой я молодец? Что мне делать с этой способностью? Вбирать в себя повреждения каждого встреченного на пути раненого?

— А у тебя и не выйдет, — немедленно возразила Акинэ-тян в ответ на высказанное мной замешательство. — Это в этот раз все так удачно совпало. Во-первых, ты знал эту девушку. Во-вторых, ей судьбой было предназначено попасть в аварию, и именно в этот момент ты о ней думал. Даже у долго практикующего экстрасенса способности не всегда срабатывают. А на тебя просто повлияла жизнь здесь, вот антенна случайно и повернулась в нужном направлении. Так что не волнуйся.

Она успокаивающе улыбнулась. Я облегченно выдохнул.

Куда мне экстрасенсорная способность, если я решил жить самой обычной жизнью? Это хорошо, что в этот раз Акинэ-тян по чистой случайности проходила мимо, в противном случае я бы, наверное, так и страдал от вобранного в себя урона Тасиро. Может, даже валялись бы сейчас с ней на соседних койках в больничной палате.

— Странное все-таки чувство. Вот так взять и открыть в себе неожиданные способности…

Кто знает, сколько людей так живет и не ведает, что внутри них спят самые разные таланты. И для их пробуждения порой достаточно лишь подходящего случая.

После школьной церемонии по случаю окончания первого триместра весь клуб разговорного английского отправился навестить Тасиро.

Кроме сломанной в трех местах правой ноги, Тасиро пришлось наложить больше двадцати швов на рану, проткнутую осколком кости. На полное восстановление после столь тяжелой травмы должно было уйти целых два месяца. Уже одно было хорошо, что как раз начинались летние каникулы, то есть у нее в запасе полтора месяца. Может успеть к началу второго триместра.

— Все каникулы коту под хвост! А я только новый купальник купила! — жаловалась на удивление бодрая Тасиро. И цвет лица у нее был здоровый.

— Врачи сказали, у меня артерию в ноге разорвало. Но когда мы приехали в больницу, оказалось, что кровотечение уже остановилось, причем никто из врачей так и не понял, почему. На самом деле я должна была потерять намного больше крови и находиться в критическом состоянии.

Члены клуба пораженно слушали ее рассказ.

— Инаба-кун.

Услышав неожиданно для себя собственную фамилию, я вздрогнул. Тасиро вытянула в мою сторону руку. Немного замешкавшись, я все-таки ее взял.

— Спасибо тебе, Инаба-кун. Ты меня спас.

— Нет, я ничего такого…

Тасиро помотала головой.

— Я тогда думала только о том, как же мне больно, что я умираю. Но потом посмотрела на твое лицо, и вдруг стало так легко… Точно ты вытянул из меня всю боль и страдания. Мне правда так показалось.

У меня быстро забилось сердце. Тасиро почувствовала, как я с ней синхронизировался.

— Ты же сознание потеряла.

— Да, но все равно… Не знаю, как объяснить, это было такое… Странное чувство! Спасибо тебе.

Она крепко сжала мою руку.

Выражение на лице благодарившей меня Тасиро было очень красивым.

В груди отчего-то сдавило. Я опять ощутил, как мне что-то передается от руки Тасиро. Что-то теплое и бесконечно прекрасное.

«А-а… Это радость жизни. Она рада, что жива».

Вот что это было. И это понимание меня всего взбудоражило. В носу защипало и захотелось плакать от такой красоты.

http://tl.rulate.ru/book/98654/3344784